

АННА МАЛЫШЕВА

Мастер охоты
на единорога

Художница Александра Корзухина-Мордвинова

Анна Малышева

Мастер охоты на единорога

«АСТ»

2015

Малышева А. В.

Мастер охоты на единорога / А. В. Малышева — «АСТ»,
2015 — (Художница Александра Корзухина-Мордвинова)

Только на гобеленах остались леса, где еще водятся единороги. Тем дороже ценится редкостная добыча... Мифическое существо со старинного гобелена может нести в себе реальную угрозу. На этот раз Александре предстоит самая опасная охота в ее жизни...

© Малышева А. В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Малышева

Мастер охоты на единорога

*Все события этого романа вымышлены, все совпадения имен и лиц
– случайны.*

Глава 1

– То, что вы мне рассказали, очень странно...

Осторожно произнеся эти слова, Александра сделала паузу и взглянула на стоявшего спиной к окну человека, ожидая ответа. Но мужчина не шевельнулся. Он был неподвижен, как манекен, а тусклый свет, падавший в комнату из двора-колодца, не позволял как следует рассмотреть его лица.

– Слишком странно, – не дождавшись его реакции, повторила художница. – И наверное, мне следует отказаться от вашего предложения. Мне кажется, вы требуете от меня невозможного, и я не уверена, что смогу вам помочь.

– А я вот убежден, что только вам это по силам! Мне много о вас рассказывали!

Произнеся эту лестную фразу, ее собеседник сделал несколько шагов и оказался рядом с Александрой, которая невольно встала со стула ему навстречу. Теперь они стояли лицом к лицу, и художница подумала, что никогда еще не видела такой необычной внешности.

«Такой внешности у своего современника!» – уточнила она, стараясь не слишком явно рассматривать хозяина дома, который внезапно задумался, словно забыл о ее присутствии. «Но в «Великолепном часослове герцога Беррийского» оно было бы на своем месте! Совершенно средневековый типаж!»

Человеку, на встречу с которым она специально приехала в Петербург из Москвы, было на вид около пятидесяти лет. При первом же взгляде на него поражала странная бледность лица. В ней не было ничего болезненного, скорее, это была блеклость кожи, почти не бывающей на солнце. Высокий лоб, вдавленные височные кости, крупный хрящеватый нос, слегка одутловатые щеки – все это словно сошло со средневековой миниатюры. Глаза, большие, бледно-голубые, выпуклые, влажно блестящие, казалось, созерцали нечто, недоступное зрению Александры. Она только успела подумать, что хозяин полностью ушел в свой внутренний мир, как тот вновь заговорил:

– Вы можете, конечно, отказаться от моего предложения. Вы осторожны, и это прекрасно! – Тут он одарил художницу улыбкой, в которой было очень мало веселья и много холода. – Я понимаю, у вас возникли подозрения, законно ли то, что я вам предлагаю. Ведь так?

– Увы... – Александра кивнула, не сводя взгляда с его лица. Оно притягивало ее, мысленно она уже набрасывала портрет этого человека. Давно ничья внешность не будила у нее такого творческого энтузиазма.

– Хорошо... – Мужчина перестал улыбаться разом, будто выключил улыбку. Его глаза не изменили своего отсутствующего выражения. – Я сам виноват, что вы насторожились. Надо было больше довериться вам и рассказать все. Вы ведь почувствовали, что я о чем-то умалчиваю?

...Она и в самом деле сразу поняла, что Павел (он представился ей так по телефону, и сейчас она знала о нем не больше) говорит ей лишь очень малую часть правды. Их общение началось два дня назад. Ей на мобильный позвонили с незнакомого питерского номера. Мужской голос, который она услышала, ей сразу понравился, и она даже толком не поняла, почему. Он был спокойный, в нем звучала холодноватая любезность, а это было ей в тот момент очень

кстати: Александра целую неделю сражалась с истеричной заказчицей, переходившей на визг по ничтожному поводу. Общение с Павлом показалось ей по контрасту очень приятным.

Тем более ее заинтриговало приглашение приехать в Питер для переговоров насчет некоего художественного произведения. Павел попросил номер счета, чтобы перевести деньги на дорогу, и никаких деталей не сообщил. Лаконизм был предельный, это указывало на серьезность предстоящего разговора. Клиент явно, как огня, опасался утечки информации и несколько раз повторил, что наслышан от человека, имевшего дело с Александрой, об ее умении хранить тайну. Имени этого человека он не назвал, а сама она не спрашивала, почувствовав, что отвечать на вопросы клиент не склонен.

Разумеется, Александра поехала. Она была рада хоть ненадолго вырваться из мастерской, которая по случаю летней жары превратилась в душегубку. Близкая крыша над мансардой дышала жаром днем и ночью. Открытые окна не спасали. Сквозняки, гуляющие по старому, вымершему особняку, чьи последние месяцы перед реконструкцией были уже сочтены, не освежали. Александре казалось, что она вдыхает и выдыхает огонь. Несколько пейзажей, взятых на реставрацию, хотя и обещали неплохой заработок, но навевали на нее скуку. К тому же заказчица, сдавшая их в работу, отчего-то сразу прониклась недоверием к Александре. Возможно, ей мерещилось, что художница, проживающая в заброшенном доме, может бесследно скрыться с картинами. Александре уже не раз приходилось сталкиваться с тем, что клиентов шокировало ее место обитания. Их можно было понять: они вынуждены были оставлять довольно ценные подчас произведения искусства в мансарде, отгороженной от мира лишь самой простой дверью, пусть и обитой ржавыми железными листами и запиравшейся на примитивные замки. Многих это пугало.

Александре, занимавшейся реставрацией картин и перепродажей антиквариата, становилось все труднее соперничать с конкурентами, принимавшими клиентов в современных мастерских, оборудованных сейфами и сигнализацией, разъезжающими на хороших машинах, подчас с охранником. У этой мастерской было единственное выигрышное преимущество – она располагалась в самом центре Москвы, на Китай-городе. Сама художница пользовалась безупречной репутацией и как реставратор, и как посредник в сделках между коллекционерами. Но ей не раз приходило в голову, что вскоре придется в корне пересмотреть свой образ жизни, чтобы продолжать работать.

«Конечно, такой огромной мастерской мне ни за что не снять, разве что за городом... – рассуждала она. – А если снимать помещение поменьше, мне негде будет повернуться со всем моим хламом... И потом, здесь я ничего почти не плачу за аренду, те гроши, которые с меня берет Союз художников, нельзя принимать всерьез. А вот на новом месте придется раскошелиться...»

Перспектива обновления очень пугала женщину. Она жила в этой мансарде пятнадцать лет, помещение досталось ей как бы по наследству после умершего мужа, которому оно и было первоначально выделено Союзом. Александра редко вспоминала свой брак добрым словом – недолгий союз с некогда талантливым, но совершенно погибшим, спившимся человеком, которым она увлеклась, будто в силу гипноза, был сущим мучением. Но сейчас она понимала, что ее независимое существование также было унаследовано от этого несчастливого брака. «Не выйди я тогда замуж – не было бы у меня этой мастерской. Не будь мастерской, за которую мне не приходилось платить, – не могла бы я быть такой разборчивой, беря заказы и совершая сделки. Из-за чего многие мои знакомые, люди образованные, талантливые, порядочные, от которых и ждать было невозможно, что они пойдут на сделку с совестью, все-таки участвовали в сомнительных махинациях с антиквариатом? Им нужно было платить аренду – вот жестокая, простая правда. А я, значит, которая внутренне их осуждала, не платила, и потому могла сторониться от грязи!»

Призрак грядущего переселения все больше обрастал плотью. Месяц назад в особняк явилась большая комиссия. Что они обследовали, что рассчитывали нового обнаружить в доме, где в большинстве квартир давно провалились полы, лопнули трубы, а в подвале стояла вода – было неясно. Александра была в мастерской и открыла дверь, когда к ней постучали. Комиссия не задавала вопросов, не осматривала помещения, спросили только имя художницы и что-то отметили в своих бумагах. После Александра спустилась к своему единственному соседу, скульптору Стасу. Тот все еще обитал на третьем этаже.

– Видала? – приветствовал ее скульптор, растирая покрасневший шрам на лбу. Когда он волновался или выпивал больше обычного, шрам краснел. – Это перед самым концом. Пропали мы с тобой, ангел мой Саша!

– Думаешь, выселят? – уныло спросила она.

– Выселят, реконструируют... И вот увидишь, хоть дом и останется на балансе Союза художников, такое отребье, как мы с тобой, тут жить уже не будет! Его сдадут или распродадут по частям, как торт! Я удивляюсь уже тому, что мы так долго продержались, в самом центре...

Впрочем, скульптор сильно не унывал. Его служанка, по совместительству модель и муза, суровая старуха, ненавидевшая весь белый свет и всех живых существ, за исключением своего подопечного, уже подыскивала ему мастерскую в ближнем Подмоскowie.

– Ищи и ты что-нибудь, Саша! – посоветовал на прощанье Стас. – Не дожидайся, пока тебя выкинут с узлами на улицу... Чует мое сердце, от дома останется одна скорлупка... всю внутренность вычистят, и нас с тобой тоже... Как червей из гнилого яблока!

И скульптор захохотал, запрокинув кудлатую голову. Александра ушла от него, расстроенная. О ее будущем некому было похлопотать, и она была далеко не так беспечна. Художница решила брать за любые заказы и расходовать гонорары как можно экономней, чтобы не оказаться на улице в один прекрасный день. Обычно ей ничего не стоило растратить внушительную сумму за пару дней, купив необходимые книги, материалы для работы, и при этом она продолжала ходить в старой куртке с чужого плеча, питаться всухомятку и ездить на метро, потому что такси бывало ей не по карману. Копить деньги она не умела никогда, а сумма, необходимая для переезда в новую мастерскую, была чем-то настолько мифическим, что Александра боялась об этом думать.

И однако, когда пригласивший ее в Питер заказчик изложил всю суть задания, она готова была отказаться. Дело показалось ей странным и подозрительным...

– Собственно, скрывать мне нечего... – Павел расхаживал по комнате, и только порывистость его движений и выдавала волнение. Его лицо оставалось непроницаемым, а голос звучал ровно. – Просто я вас совсем не знаю... Но вы правы, совершенно правы, что насторожились.

Внезапно остановившись, повернувшись к женщине, он спросил, глядя прямо ей в глаза:

– А признайтесь, вы решили, что я склоняю вас к воровству?

Александра, которая не была готова к такому вопросу, нервно улыбнулась.

– Ну... честно говоря, такая мысль у меня мелькнула. Столько таинственности... И мою задачу вы описали так туманно... Мне показалось, – осторожно продолжала женщина, следя за лицом собеседника, на котором по-прежнему, ничего нельзя было прочесть, – что вы предлагаете мне, под выдуманным предлогом, незаконно проникнуть в запасники некоего провинциального музея... И помочь вам присвоить два хранящихся там старинных гобелена. Без ведома для хранителей...

Последние слова она произнесла уже почти шепотом, словно это могло смягчить их смысл. Павел, ничуть не смутившись, кивнул:

– Именно это я вам и предлагаю.

Несколько мгновений Александра думала, что ослышалась, до того безмятежно он произнес эти слова. И только когда их смысл стал ей окончательно ясен, покачала головой:

– Это невозможно. Будем считать, что я ничего не слышала.

Мужчина подошел к ней вплотную. Он стоял так близко, что она слышала его частое дыхание. Было ясно, что он очень волнуется.

– Я не предлагаю вам ничего красть, только кое-что разузнать! Я хочу получить то, что мне принадлежит по закону!

– Для этого есть другие пути, – у нее тоже участилось сердцебиение и начал срываться голос. – Если в музее по ошибке оказалась ваша вещь, вы можете потребовать ее обратно через суд... Насколько это будет успешно, нельзя предсказать, но музей маленький, провинциальный, и если у вас будет хороший адвокат... Доказательства...

– Да нет же! – Павел с досадой хлопнул в ладоши, словно одним ударом уничтожая все ее возражения. – Никакой суд не докажет моей правоты! Она очевидна только для меня, и будет очевидна для вас... если вы меня выслушаете.

Рассказ его был прост, но от этого ничуть не терял в своей диковинности. Александра, оставшаяся против воли, сломленная напором собеседника, его уверенностью в своей правоте, слушала, как сказку. И впрямь, в этой истории оказалось немало сказочного.

Если то, что рассказал ей Павел в первый час знакомства, звучало, как слабо завуалированное приглашение к совместному хищению из музейных запасников, теперь его слова приобрели другой смысл. Он доверился ей, и даже его холодноватый голос приобрел новые проникновенные нотки.

– Надо было начинать не с конца, – признался он, – а с самого начала. Но отчего-то мне казалось, что вы поймете меня с полуслова! Так вот, гобелены, о которых идет речь, всегда принадлежали моей семье. Мы их лишились из-за стечения обстоятельств, вследствие обмана... Если бы вы знали, сколько несчастий пришлось пережить моим предкам...

По словам Павла, его прадедушка и прабабушка со стороны матери происходили с юга Беларуси, с Полесья. Обедневшие шляхтичи, так называемые однодворцы, не имевшие в начале двадцатого века уже ни земли, ни леса, ни слуг, они решили переехать в Петербург. Там прадед получил место на почте. Должность он занимал невысокую, но жалованья вполне хватало, чтобы снимать квартиру на Васильевском острове. Там у пары родилось двое сыновей и дочь.

– Как ни странно, сохранились фотографии... – Подойдя к старому секретеру, почерневшему от многократных лакировок, Павел выдвинул длинный узкий ящик и достал несколько снимков, наклеенных на картон. – Это просто чудо, что они уцелели...

Александра взглядела в героев рассказа. На одном снимке был изображен представительный, уса́тый господин в сюртуке, опиравшийся на спинку кресла. В кресле сидела дама, затянутая в черное платье, с воротником под самый подбородок. В углу студии красовалась пышная пальма. Перспективу создавал раздвинутый бархатный занавес с кистями. На другом снимке, в той же студии, в том же кресле сидели маленькие мальчик и девочка. Их можно было отличить только по прическам: светлые кудри девочки спускались ниже плеч, у мальчика они были подстрижены вровень с мочками ушей. На детях были одинаковые черные платьица с кружевными воротничками. Мальчик постарше стоял рядом с креслом. Александра сразу отметила его сходство с Павлом и решила, что это его дед, но заказчик указал пальцем на девочку:

– Бабушка!

– Очень милая, – сказала Александра, поднимая взгляд. – У вас ее глаза!

Собственно, у всех детей на снимках были светлые глаза навывкате, широко расставленные, с мечтательным, ускользающим выражением, такие же, как у Павла. Мужчина кивнул, пряча снимки обратно в секретер:

– Я на нее похож. Так вот, когда началась Первая мировая война, вся семья уехала из Питера, здесь стало голодно. Они отправились к дальним родственникам, на Волгу... Не

правда ли, – горько усмехнулся Павел, – отличное место они нашли, чтобы скрыться от голода... Прадед заболел... Он умер где-то в дороге, на станции, от холеры. Там его и похоронили. Прабабушка несколько месяцев жила в деревне, рядом со станцией, она не могла решиться, куда ей деться с детьми, потому что той родни на Волги она не знала, это была родня мужа. Решила вернуться в Питер, но дорога уже была отрезана гражданской войной. Тогда она на свой страх и риск поехала в Сибирь...

Вздыхнув, он подошел к окну и приоткрыл его:

– Что за лето... жарко, как в топке.

– В Москве то же самое...

Тронутая его доверительным тоном, Александра приблизилась и через плечо мужчины выглянула во двор – многоугольный, залитый асфальтом, стиснутый высокими желтыми стенами двор-колодец. В этот послеполуденный час безоблачного долгого дня асфальт дышал жаром. Стены отражали его и отдавали прямо в окна, открытые тут и там. Павел с досадой прикрыл створку.

– Не могу находиться в этой квартире летом, задыхаюсь. Вечером хочу уехать на дачу. Но сперва нам нужно договориться...

...Прабабушка, по его словам, скиталась с детьми почти по всей России. Едва не попала в Китай, но осталась в конце концов на Дальнем Востоке. Там от тифа умер старший мальчик, двое младших детей также болели, но выжили. Мужественная женщина бралась за любую работу, чтобы их поднять. Замуж она больше не вышла.

– Ей удалось устроиться воспитательницей в детский дом, где-то в Сибири, в небольшом райцентре. Там можно было кормиться самой и кормить детей. В нем они и жили, и учились вместе с другими детьми. К тому времени прабабушка распродала почти все, что удалось вывезти из Питера, для обмена на продукты, все, что соглашались купить, хотя бы за гроши. Потом была война... Дети к тому времени выросли. Сын был убит на фронте, дочь к тому времени вышла замуж. Перед войной у нее родился сын, это был мой отец.

Повисшая пауза показалась Александре очень долгой. Петр молчал, обхватив себя за локти, словно ему было холодно, хотя в комнате стояла изнурительная влажная жара. Характерный гниловатый душок питерского центра пропитал, казалось, толстые каменные стены доходного дома, где располагалась квартира. Старинная разномастная мебель, книги, выцветшие шторы и обивка кресел – все казалось влажным, покрытым испариной.

– После войны прабабушка с семьей дочери вернулась в Питер, – продолжал Павел, оставив отсутствующий взгляд на лице слушательницы. – Каким-то чудом нашлись прежние знакомые семьи, которые их приютили на первых порах, помогли с работой. Вскоре она умерла. Бабушка работала в школе, учительницей русского языка, до конца дней. С мужем она разошлась рано, и сына воспитала одна. Отец закончил Горный институт и стал инженером. В студенчестве он и женился. Ребенок был только один – это я.

Павел повел рукой, словно проводя в воздухе черту:

– Вот вся история моей семьи, в нескольких словах. Может, она вам и неинтересна, но она необходима для того, чтобы вы поняли суть вопроса. А сводится дело к тому, что я – единственный законный наследник фамилии, наследник мужского пола.

– Имущество, оказавшееся в музее, о котором вы говорили, относится к вашему наследству? – решила спросить Александра.

– Вы уловили самую суть! – кивнул Павел. – Важно, чтобы вы понимали: я хочу вернуть свое, а не взять чужое. Хочу вернуть больше чем свое имущество, вернуть часть истории моей семьи, от которой уже совсем ничего не осталось!

...И когда Александра вновь услышала историю о гобеленах, с новыми подробностями, она уже не была так шокирована, как в первый час общения. Выяснилось, что в числе семейных реликвий, которые семья сперва вывезла в Питер из Беларуси, а затем из Питера на Дальний

Восток и в Сибирь, находились два старинных шерстяных ковра, находившихся во владении этого рода уже несколько веков.

– Эти гобелены предположительно были сделаны в Брюсселе или в одной из передвижных ткацких мастерских на Луаре, в конце пятнадцатого века. – Бледное лицо рассказчика, освещенное желтоватым светом, падавшим со двора, светом не прямым, отраженным от стен, казалось лицом восковой фигуры, слегка подтаявшей от невыносимой жары. – В семью они попали когда-то в качестве части приданого...

– Тогда вы говорите об очень ценных вещах! – воскликнула Александра, пораженная этой подробностью, которую клиент привел впервые. Первоначально он выражался очень размыто, говоря просто о «двух старинных гобеленах». Под это определение можно было подогнать любые заурядные тряпицы, все достоинство которых могло заключаться только в почтенном возрасте. – Конечно, в то время в Бельгии было произведено немало гобеленов прекрасного качества, их можно найти во всей Западной Европе, и в Северной, и в Восточной... остается определить, какого уровня были эти вещи!

– Высочайшего... – внушительно понизив голос, заметил Павел. – Достойного лучших мировых музеев!

– Вы видели их? – уже не сдерживая волнения, спросила художница.

– Увы, никогда. Но бабушка видела их, выросла рядом с ними. Гобелены были последним, с чем пришлось расстаться. Тогда семья просто умирала с голоду... Они висели в комнате, за шкафом, над кроватью, где спала бабушка. Она хорошо помнит этих единорогов: одного упавшего, раненного, со стрелой в боку, другого – бегущего по лугу, озираясь, видимо, на охотника или на преследующую его собаку. Собственно, это один и тот же единорог, ведь сцены охоты относились к одной серии.

– Погодите... – Александру вдруг пронзила мгновенная дрожь, хотя она продолжала изнывать от духоты. – Значит, эти гобелены представляли собой сцены охоты на единорога?

– Именно так.

Павел ответил с краткостью, которая показалась Александре намеренной. Он был уверен, что художница уже получила богатый материал для раздумий, и оставлял ей время для анализа. Ее мысли путались, голова горела как в лихорадке. Александра облизала пересохшие губы.

– И это все, что известно? – спросила она, внезапно охрипнув от волнения. – Фотографий у вас не сохранилось?

– Увы, нет... – Восковое лицо мужчины потемнело, словно от мрачной мысли. – Но я хорошо помню, как их описывала бабушка. Фон – синий, усыпанный сорванными цветами и травами. Бабушка вспоминала, что было много розовых и красных цветов.

– Так называемый мильфлер, растительный декор, – Александра вновь облизала губы. – А что еще? Были там охотники? Дамы? Собаки? Другие животные или птицы?

– Ничего, – Павел сделал несколько шагов, и остановился посреди комнаты, словно наткнувшись на невидимое препятствие. – Или это были самостоятельные, отдельные изображения, или части больших гобеленов, утративших с веками целостность. Все-таки надо учесть, что хранили их не в музее, а в обычном доме, причем не в самом богатом. Климат и в Белоруссии, и в Питере сырой. Шерсть, соприкасаясь со стенами, могла постепенно гнить...

– Как и случилось в случае с серией ковров «Дама с единорогом», – взволнованно произнесла Александра. – Когда их обнаружили в середине девятнадцатого века, в провинциальной префектуре, нижние части были уже безнадежно испорчены, их после пришлось выткать заново... Скажите, семейное предание не сохранило какие-то дополнительные сведения об этих коврах? Кто их получил в приданое, при каких обстоятельствах? Я понимаю, что в пятнадцатом, шестнадцатом веках девушка из состоятельной знатной семьи могла получить в приданое серию шерстяных или шелковых шпалер, среди прочих ценностей... Но хотелось бы

знать, изготовлены они были специально, к ее свадьбе, или куплены когда-то предками? И в каком веке ковры появились в семье?

Она задавала вопрос за вопросом, следя за лицом собеседника, безуспешно пытаясь прочесть на нем то, чего он, по всей видимости, не торопился ей открывать. Сердце билось так сильно, что художница была вынуждена присесть, придвинув оказавшийся рядом стул. С улыбкой, которая отчего-то вышла виноватой, она обратилась к Павлу как можно мягче и убедительней:

– Если бы вы рассказали мне все, действительно, все, что вам известно об этих шпалерах, мне было бы проще действовать...

– То есть вы согласны и готовы мне помочь? – незамедлительно откликнулся мужчина, проигнорировав предыдущие вопросы.

– Только это вас и интересует? – подняла брови слегка уязвленная художница.

– Я преследую только одну цель: вернуть гобелены в семью. Вы, как мне думается, хотите получить вознаграждение. Что еще может интересовать меня и вас?

– Меня прежде всего интересует, с чем конкретно мне придется иметь дело, – призналась Александра.

– То есть вознаграждение для вас вторично? – в голосе собеседника зазвучала нескрываемая ирония.

– Для меня важнее всего то, ради чего все затевается! Именно, насколько эти гобелены старинные, ценные, редкие... Уникальные, судя по вашему описанию!

«И может ли быть правдой та догадка, в которой я даже самой себе не решаюсь признаться!» – подумала Александра.

– Поверьте, они уникальны, прежде всего для меня, – ответил наконец Павел.

– И больше вы мне ничего не скажете?

– Да больше и не нужно ничего говорить, – коллекционер слегка пожал плечами. – К чему вам лишние подробности? Вы ведь не собираетесь писать диссертацию по этим гобеленам. Напротив, я надеюсь, вы никогда никому и не скажете о том, что имели с ними дело. Так что минимум информации – это то, что вам нужно. В сущности, я рассказал уже даже слишком много...

Повисла тяжелая пауза, нарушаемая только частым щелканьем часов, заключенных в футляр красного дерева. Часы – расхожий образчик ампира, украшенные бронзовыми колоннами и фигурой в античном стиле, – стояли на письменном столе, втиснутом в угол у окна. Александре бросился в глаза толстый слой сизой пыли, покрывавший отполированную столешницу. На столе не было ни единой книги, ни безделушки – ничего. «Видимо, хозяин не часто за него садится!» – подумала она, обводя взглядом кабинет. Те же следы запустения были повсюду – казалось, в комнату давно никто не входил. В ней дышалось тяжело, как в склепе. «Да, Павел же сказал, что не выносит жары и живет на даче. А это лето стоит двух...»

– Я нуждаюсь в деньгах в настоящее время. – Художница выдержала испытующий взгляд собеседника, который, казалось, стремился проникнуть в самую глубину ее мыслей. – И не делаю из этого тайны. Но на уголовщину я не согласна! Не скрою, хотя вы и убедили меня, что ваша семья рассталась с гобеленами из-за крайней нужды, все же нынешний их законный обладатель – музей, а любое покушение на его собственность – кража. Причем сяду-то я!

– Я гарантирую вам полную безопасность и безнаказанность, – перебил Павел. – Никакой ответственности не последует!

– В таком случае почему бы вам самому не поехать туда и не взять то, что вам принадлежит по праву? – довольно ядовито спросила женщина.

Павел передернулся, словно его укололи иглой.

Помолчав, он неохотно признался:

– Я там уже побывал... В мае. И боюсь, меня запомнили.

– Вот как... Значит, у вас ничего не получилось?

– Я просто взялся не с того края, – с досадой проговорил мужчина. – Пошел напролом, вот как с вами... Знаете, когда человек думает, что его просьба справедлива, он делает такие ошибки, каких никогда не сделает лжец!

Александра безмолвно склонила голову, соглашаясь с этим доводом.

– Я переполошил их всех, но к счастью, они так ничего и не поняли. Наверное, посчитали меня сумасшедшим... Надеюсь, что так они и решили! Вы будете действовать согласно моим инструкциям, и никаких неприятных сюрпризов вас не ожидает!

Он прижал руку к груди, в его голосе зазвучали сердечные нотки:

– Поверьте, я не стал бы поручать вам заведомо провальное дело! Какой в этом смысл?

Услышав эти слова, Александра исполнилась самых худших опасений. Она ничуть не верила в то, что этому человеку может быть важна ее безопасность и свобода. «Этого и нельзя требовать, ведь он просто нанимает меня для рискованного предприятия, в котором сам потерпел неудачу. Но почему меня? Почему не взять обычного мошенника, каких много крутится рядом с коллекционерами? Эти Эрмитаж ограбят, если им заплатят, пролезут в любые запасы, подменят что угодно на что попало... Что происходило уже сотни раз. И эти преступления никак не освещаются, о них просто не знают или молчат, потому что огласка влечет за собой ответственность. А отличить одну черную кошку от другой может только хозяин, как говорил один мой знакомый музейный работник!»

– Видите ли, – она старалась говорить спокойно, хотя ее сжигало мучительное волнение. – Так или иначе, я должна пойти на большой риск. Я сразу вам скажу, что никогда ничем подобным не занималась. Почему вы обратились именно ко мне, непонятно. Я не спрашиваю, кто именно мог меня рекомендовать с такой странной стороны, потому что вы, кажется, не очень любите отвечать на вопросы...

Павел с насмешливой улыбкой кивнул, но за этой маской ей удалось различить такое же сильное беспокойство, какое испытывала она сама.

– Если бы я хотя бы знала, что это за вещь... Ради чего я рискую... С чем мне придется иметь дело... Мне было бы проще решиться.

Александра ощутила, как к лицу прилила кровь, и взглянула на окно, закрытое наглухо. Павел проследил за ее взглядом, но не сделал ни малейшего движения в ту сторону. Ей впервые подумалось, что окно он закрыл для того, чтобы их разговор не услышали случайно соседи, также томившиеся у открытых настежь окон.

– Что вас интересует? – после томительно долгой паузы осведомился Павел. – Имя художника, нарисовавшего макет, по которому был изготовлен гобелен? Я не знаю его. Имена макетистов никому не известны. Вы же сами знаете, должно быть, какая чушь все эти «мастера Анны Бретанской», которым приписывают чуть не все художественное наследие последних двадцати лет пятнадцатого века... Якобы один и тот же человек и «Персея» создал, и «Жизнь Пречистой Девы», и ковры из музея Ключи... А на самом-то деле одному человеку это было бы не под силу, а стилистическая близость ковров... Что ж, тут трудно удивляться близости! Картину создает один мастер, но ковер создают трое! Художник рисует макет, картонщик переводит его в большой размер, привнося при этом кое-что свое... Ну а на заключительном этапе лисье, то есть ткач, создает само произведение, основываясь на собственных приемах и опять же проявляя порой фантазию... Живопись шла вперед огромными шагами, а шпалеры оставались верны прежним приемам... Они были последним оплотом средневекового искусства, которое уже уступало месту другим формам...

Увлечшись темой, которая явно была ему близка, Павел говорил быстро и страстно, широко жестикулировал, но его лицо оставалось до странности бледным, словно на него никогда не падало солнце. Был жуткий миг, когда Александре померещилось, что перед нею вещает механическая кукла, вроде тех заводных манекенов, которые населяли кунсткамеры европей-

ских монархов. Порывистые движения и неподвижное, словно отлитое из фарфора или воска, лицо в совокупности оставляли неприятное, искусственное впечатление. «Это маньяк или просто больной человек с выродившейся кровью, что не редкость среди наследников старинных родов... Насчет своей родovitости он не врет, тут и документы никакие не нужны, достаточно на него посмотреть, послушать его... Конечно, он очень занятый, конечно, просвещенный собеседник... Более того, он завораживает! Но может быть, он опасен. Я совершенно напрасно его слушаю, оставляя ему надежду на то, что вдруг соглашусь. Это немисливо связаться с ним. Я попаду в тюрьму! Для него моя жизнь значит не больше, чем для какого-нибудь его предка-шляхтича жизнь холопа! Посылает к волку в зубы, а сам уверяет, что это не опасно!»

И все же она слушала, не в силах прервать рассказчика, попрощаться и уйти. Ее все больше интриговала одна особенность его повествования. Он сыпал именами, половину которых художница, до сих пор интересовавшаяся гобеленами только случайным порядком, не знала, упоминал технические приемы плетения и окраски нитей, о которых она понятия не имела... Но как будто намеренно избегал произносить слова, которые так и просились на ум Александре. Наконец она не выдержала.

– Конечно, – произнесла она, воспользовавшись тем, что Павел сделал небольшую паузу, – все гипотезы о личности средневековых авторов макетов – это только гипотезы. Мы не знаем достоверно даже тех подробностей, которые касаются таких крупных фигур, как Жан Прево, так называемый Мастер Мельниц, например, а ведь он был официальным живописцем Бурбонов! Имел ли он отношение к созданию макетов для знаменитой «Дамы с единорогом»? Кто знает... Он мог его иметь – вот то, что можно сказать, не погрешив против правды. И потому ему можно с легкостью приписать авторство всех гобеленов, созданных в ту пору... Авторство знаменитой нью-йоркской серии, «Охоты на единорога», например!

– Да, так часто и делается учеными мужами и дамами, – с тонкой усмешкой произнес Павел. – Они утверждают все, чего не могут опровергнуть. Это очень удобно.

– И даже то, что семь гобеленов цикла «Охоты на единорога» явно неоднородны стилистически, их не смущает! – продолжала Александра, радуясь, что Павел постепенно заходит в расставленную ею западню. – Куда проще приписать их все одному художнику и сказать, что различия в стиле на совести ткачей-исполнителей, которые, как известно, могли быть разбросаны по разным мастерским и даже городам... А ведь ткач совсем не имел такой большой свободы действий, чтобы самостоятельно менять рисунок.

– Совершенно верно! – кивнул мужчина. – С вами приятно иметь дело, вы в курсе истории вопроса. Более того, после 1476 года ткач и не мог иметь никакой особенной свободы действия. В Брюсселе было подписано соглашение между гильдией ткачей и гильдией художников и картонщиков. Согласно этому соглашению, ткач имел право лишь менять по своему усмотрению рисунок листы, деревьев, кустов, цветов и животных. Композиция и человеческие фигуры были целиком доверены художникам. И это была необходимая мера, потому что были вопиющие случаи, когда готовый ковер очень сильно отличался от созданного художником макета. Так что уже в конце пятнадцатого века руку одного мастера можно было узнать, даже если его картоны разошлись по разным мастерским... И все же наши современные исследователи с легкостью компонуют уцелевшие шпалеры, то приписывая их все разом одному мастеру, то вдруг лишая его права авторства. Честно говоря, это самая темная область искусства, именно потому что над каждым ковром работало множество разных творцов...

– И все же гобелены в Нью-Йорке не случайно объединены в серию, – заметила Александра самым невинным тоном, видя, что собеседник уже почти попался в ловушку. Она решила хитростью выманить то, что Павел, по всей видимости, не желал сообщать добровольно. – Стилистически они разные... Насколько я их помню. И все же у них есть кое-что общее, помимо темы – охоты на единорога. На каждом проставлены две буквы, «А» и обратное «Е», которое выглядит, как «Э».

Павел, внезапно содрогнувшись всем телом, резко обернулся и взглянул в сторону окна: на жестяной отлив с внешней стороны в этот миг опустился взерошенный сизый голубь. Он скреб когтистыми лапами по раскаленной жести, пытаясь примоститься на неудобном узком отливе, а потом с шумом взлетел и пропал в желтом мареве, наполнявшем двор-колодец.

– На ваших гобеленах со сценами охоты на единорога не было таких инициалов? – после паузы добавила Александра.

– Значит, у вас родилась версия, что гобелены, принадлежавшие моей семье, могли относиться к этой знаменитой серии, купленной когда-то во Франции семьей Ротшильдов? – вопросом ответил Павел, не сводя взгляда с окна, хотя смотреть там было уже совершенно не на что. Его голос звучал совершенно спокойно. – К знаменитой серии из музея Клуатр в Нью-Йорке?

– Что вы... – пробормотала Александра, смущенная его бесстрашием. Она ожидала совсем другой реакции. В этот миг художница чувствовала себя глупой девчонкой, вздумавшей насмехаться над учителем, забыв о том, что он может поставить ей двойку. – Какие я могу строить версии, если никогда не видела этих гобеленов! Просто у меня мелькнула мысль, что тема охоты... Единорог... Время изготовления – вы сами назвали конец пятнадцатого века... Все это соответствует серии из музея Клуатр.

Последние слова она произнесла еле слышно. Ей стало окончательно ясно, что этот человек не принадлежит к той категории коллекционеров, которые, сев на любимого конька, теряют голову и выбалтывают секреты. Павел кивнул с насмешливым вниманием:

– Очень интересно. Да, по правде сказать, ничего странного нет в том, что вы так подумали. Я и сам, когда стал в свое время наводить справки, основываясь на том, что слышал о гобеленах от бабушки, был одержим этой мыслью.

Павел внезапно щелкнул пальцами. В квартире стояла такая тишина, что звук показался неприятно громким. Александра слегка поежилась.

– Да что там, я так и думал, что наши гобелены из той самой серии! – Его голубые глаза, выпуклые, влажно блестящие, померкли, словно от тайной тяжелой мысли. – Правда, о буквах я ничего никогда не слышал. Но, поразмыслив, решил, что эти наши два ковра все же существовали сами по себе, независимо, отдельно от тех, знаменитых.

– Почему вы так считаете?

– Ну, вы же знаете, наверное, – педантично заговорил он, – что серия «Охота на единорога» считается изготовленной к свадьбе французского короля Людовика Двенадцатого, когда он собирался жениться на королеве Анне, вдове короля Карла Восьмого. «АЭ» или «АЕ» – это предположительно первая и последняя буквы ее имени, которое писалось как «АННЕ».

– Так и есть! – кивнула Александра.

– Кроме этих букв, – продолжал Павел, – на гобеленах существовал еще королевский герб, герб Валуа. Во время первой французской революции эти гербы были сведены с гобеленов, больше их там нет.

– Так, ну и что же?

– Дело в том, что те два ковра, за которыми я вас собираюсь снарядить в поход, – он вновь улыбнулся, словно предлагая оценить свою иронию, – находились в нашей семье задолго до первой французской революции. Тогда наши предки жили в Польше. И если о буквах мне ничего не рассказывали, то вот гербы на коврах были. Бабушка описывала только королевские лилии, но я уверен, что это были именно гербы Валуа. Именно эта династия владела французским тронном во время изготовления ковров, да и много позже...

– Были?! – ошеломленная, художница прижала руку к горлу. Ей не хватало воздуха. – И вы так спокойно говорите об этом?! Но наличие гербов как раз почти полностью доказывает принадлежность ваших гобеленов к коврам серии Клуатр! А букв ваши родственники могли не заметить! Они могли потускнеть со временем или даже остаться на утраченных частях гобеленов, если такое случилось... Но это будет сразу понятно!

Мужчина остановил ее резким жестом:

– Не будем говорить о том, чего мы не узнаем прежде, чем увидим гобелены.

«А в ловушку-то заманил он меня...» – растерянно думала Александра, видя, как Павел прохаживается по комнате, рассеянно проводя пальцами по спинкам выстроившихся вдоль стен стульев, словно впервые обнаружив на них толстый слой пыли. Художница понимала, что теперь ей трудно будет отказаться от задания.

Она готова была согласиться, не в силах больше выносить этого молчания, нарушаемого только тихим скрипом паркета и тиканьем часов, когда Павел, остановившись, проговорил, глядя прямо ей в глаза:

– В мою семью ковры попали до того, как повсеместно начали уничтожать гербы, клейма и прочие приметы, которые могли указать на принадлежность королевской семье. Подчеркиваю – до. И никаких инициалов «АЕ» на них изначально не было. Этих ковров никогда не касались ничьи чужие руки. А на коврах из серии Клуатр, которым до Ротшильдов пришлось сменить несколько хозяев, инициалы остались, но гербов нет.

– И что же это значит, по-вашему? – теряя терпение, воскликнула художница.

– Если, как вы предположили, мои гобелены со сценами охоты на единорога могли иметь отношение к той серии, то есть только одно объяснение тому, как с них исчезли инициалы, которые никто не уничтожал! – Павел продолжал гипнотизировать замершую слушательницу пристальным и в то же время отсутствующим взглядом выпуклых, влажно блестящих глаз. – Только одно объяснение: ковры были выполнены теми же лисье, по макетам того же художника, имевшимся у них в мастерских. Но уже нелегально, для продажи на сторону, с выгодой в свою пользу. Потому они, конечно, не маркировались именем королевы Анны. В таком случае мы имеем дело с аутентичными копиями недостающих гобеленов серии музея Клуатр... Точное число гобеленов в серии, как мы знаем, никогда неизвестно, если нет письменных свидетельств той эпохи. – Мужчина торжествующе прищелкнул пальцами. – Также, может статься, никакого жульничества и не было, а просто заказчик по каким-то личным причинам предпочел не включать эти гобелены в свадебный набор ковров и отмел их еще на стадии макета. Они все-таки были изготовлены и маркированы королевским гербом, но в подарок не вошли. Так или иначе, есть огромная вероятность, что макеты нарисовал тот же художник, который создал прославленную серию музея Клуатр в Нью-Йорке. Назовем этого безымянного гения «Мастером охоты на единорога». Есть же «Мастер теней», например, «Мастер Страшного Суда»... Мы не знаем их имен и называем их по тем художественным сюжетам и приемам, благодаря которым они вошли в вечность.

– Это невероятно... – Женщина в смятении провела пальцами по влажному лбу. – Это может стать мировой сенсацией!

– Я не произносил бы таких громких слов... – На бледных губах собеседника появилась неясная улыбка. – Но все может быть. Как вы считаете, музей Клуатр заинтересуется вашим открытием?

Намеренно или случайно он выделил слово «вашим» убедительной, мягкой интонацией. Александра нервно сглотнула.

– Но для начала вам и мне нужно хотя бы заполучить мои ковры, – Павел произнес это словно с сожалением. – А там уж мы с вами начнем строить предположения. Итак...

Он сделал паузу.

– Согласны ли вы поохотиться на единорога?

Глава 2

Когда поезд отошел от перрона Витебского вокзала, Александра вытащила из кармана джинсов часы с оторванным ремешком и нетерпеливо взглянула на них. Тот же самый жест она неоднократно повторяла на перроне, сверяя время на своих часах с циферблатом вокзальных часов, и Павел, провожавший ее, улыбался:

– Не терпится? Вы будете на месте в час дня примерно.

– Да мне не терпится, очень не терпится, – отвечала она, давно перестав скрывать свое волнение. – Представьте, я считаю минуты...

И вновь на его губах появилась улыбка, но такая бледная, что женщина была не уверена, что уловила ее.

Теперь, сидя в купе поезда, который уже набрал скорость, она вновь повторяла про себя несложные указания, которыми снабдил ее в дорогу Павел, как только она согласилась заняться его делом.

«Действительно, все просто! – говорила она себе, следя за мелькающими в окне пригородными платформами. Закат не торопился, хотя время близилось к одиннадцати вечера. Белые ночи давно закончились, но здесь, на севере, все еще было светло допоздна. – Если не вдумываться, что я иду практически на преступление, то все действительно проще простого...»

Умывшись, она вернулась в купе и легла, не раздеваясь, поверх одеяла, закрыв глаза. От нетерпения ее слегка лихорадило. Александра так волновалась, что едва поздоровалась с соседями по купе, а если бы ее попросили описать их лица, она не смогла бы этого сделать, хотя обычно память художника ее не подводила. Перед нею сейчас проходили совсем другие лица, появлявшиеся из темноты и снова в ней исчезающие.

...Она видела лицо Павла, удивительную бледность средневекового узника, заключенного на дне каменного «мешка». Затем вдруг появлялось лицо преподавателя в Академии художеств, где она училась когда-то, лицо, которое она старалась вычеркнуть из памяти, но иной раз видела так ясно, словно они встречались вчера. Неудачный первый роман, который закончился беременностью и едва не завершился самоубийством. От самоубийства ее тогда удержала подруга, она же уговорила избавиться от ребенка. Расплата была жестокой – врачи единогласно твердили Александре, что у нее никогда не будет детей. Потом она видела лицо первого мужа, скульптора, с которым она тоже познакомилась в Академии, в Питере. Скоропалительный студенческий брак, возвращение в Москву, к родителям Александры, и очень быстро рухнувшие отношения. И тогда появлялось лицо второго мужа, Ивана, человека странной, искверканной судьбы, талантливого и погибшего от собственной слабости художника, чье имя еще помнили коллекционеры, но давно забыли друзья...

Александра резко отвернулась к стене, словно пронзенная молниеносной судорогой. «Почему я их всех вдруг вспомнила? – почти в гневе на саму себя думала она. – Ведь это сплошь неудачи... Провалы... Правда, с Иваном нас разлучила лишь смерть, но только потому, что я жалела его, не могла бросить, видела, что он скоро сведет себя в гроб пьянством, и потому оставалась рядом, чтобы он хоть не умер в канаве, как бездомная собака... Какая там любовь! Не было любви. Наверное, никогда не было!»

И снова она увидела лицо Павла в тот миг, когда они прощались на перроне, это странное лицо со средневековой картины. Его водянисто блестящие, выпуклые глаза хранили загадочное выражение, на губах блуждала неявная улыбка. «Зачем я о нем думаю?»

Она резко села, прижав ладони к лицу, вдруг запыхавшему, словно его коснулось пламя. «Только не это... – Александра зажмурилась и сжала губы, словно давя между ними слово, которое готово было сорваться. – Только не это. Я больше не хочу ни от кого зависеть!»

Одиночество давно не пугало ее. Александра знала среди своих знакомых ровесниц, женщин, которым перевалило за сорок, тех, кто панически боялся остаться без пары. Дело было даже не в том, что на этих женщин давило мнение родственников и друзей. Приятельницы признавались ей, что вечерами, почему-то особенно вечерами, их охватывает самая настоящая паника, если они остаются в доме одни. Александра с сожалением думала о близкой подруге, заключившей, видимо, в разгаре такой паники, случайный и ненужный брак. То, что образовалось в результате, никак нельзя было назвать семьей, и теперь подруга готовилась к разводу.

«Я завидую тебе, Сашка! – сказала ей подруга во время последней встречи. Они случайно увиделись на выставке. – Вот ты вроде бы живешь среди нас и в то же время паришь в облаках. Тебя как будто никакие наши дразги не касаются. Может быть, ты и права... Я заметила, что к тебе и мужчины-то подходить боятся!» Александра тогда отшутилась, сказав, что предпочла бы не наводить на мужчин такого почтительного страха, но у нее остался горький осадок от разговора. Художнице было неприятно узнать, что ее поведение может действовать на кого-то, как ушат ледяной воды. Она ни с кем не кокетничала, и если человек вызывал у нее симпатию, относилась к нему дружески, и только. «А люди думают, что я строю из себя недотрогу!»

Она никогда не стремилась к исключительности, не считала, что одиночество – это ее призвание, как другая ее подруга, очень религиозная, не ушедшая в монастырь по причинам, которые внятно никому не могла объяснить. Александра считала, что причина ее нерешительности как раз в том, что, сделав этот шаг, женщина перестала бы быть исключением из общих правил и стала «как все» в той среде, в которую попала бы. А как раз этого та и не хотела. Александра внутренне ежилась, понимая, что тоже кажется окружающим белой вороной. «И возможно, многие считают, что я просто ломака, которая остается одна и не заводит романов, чтобы казаться интересной и исключительной!»

И все же она сама понимала, что в ее отношении к мужчинам есть что-то странное. Александра смотрела на них, словно сквозь стекло, и даже если человек был ей симпатичен, продолжала ощущать эту преграду. «Вот, этот Павел...» Ее мысли вновь вернулись к питерскому коллекционеру. Она лежала, отвернувшись к стене, слушая, как устраиваются на ночь соседи, тихие, немногословные минчане, с которыми художница перекинулась всего несколькими фразами. «Да, Павел. Ведь он мне очень интересен, он прекрасный собеседник, у нас много общих тем. Он явно авантюрист, а ведь и мне не чужда эта черта! Если бы не она, я не попадала бы в такие передрыги, из которых приходилось выпутываться, порой со страшными усилиями... Я сразу подумала, что он мне нравится. Как интересная модель для портрета, потому что у него необычная внешность. Почему бы не сказать себе честно, что он мне в принципе нравится? Ведь так поступила бы любая нормальная женщина! А я просто боюсь это сказать. Боюсь, потому что никогда ничего хорошего из этого не получалось и никогда уже не получится... Я уверена в этом!»

И все же она заснула с теплым, давно забытым чувством, название которого знала, но не желала произнести даже про себя. Это была не любовь и даже не влюбленность, но возможность влюбленности, и это сознание сообщало наступившей ночи оттенок настоящей авантюры.

В Минске на вокзале ее никто не встречал, да и нужды в этом не было: Александра бывала в этом городе не раз, иногда задерживалась на несколько недель, а как-то, несколько лет назад, даже провела здесь пару месяцев, возвращаясь в Москву лишь на пару дней. Ее тогда пригласили для участия сразу в серии экспертиз и последовавшем затем аукционе. Организаторы аукционов оплачивали ей гостиницу, но в основном Александра жила у подруги.

С Татьяной они были знакомы еще по институту, та тоже училась на отделении живописи, но курсом выше. Курсы перемешивались на натуральных классах, и девушки часто оказывались рядом. Они болтали друг с другом, и у них постепенно сложились ровные, ни к чему не обязывающие приятельские отношения. Ни одна из них не стала бы изливать перед другой душу,

да и попав в беду, вряд ли бы обратилась за помощью... И все же воспоминания у нее остались хорошие, и когда она узнала, что Татьяна – сотрудница пригласившего ее аукционного дома, то очень обрадовалась. Тем летом они сдружились уже по-настоящему. Татьяна одна воспитывала двоих детей, муж, тоже художник, уехавший работать в Польшу, помогал ей лишь советами, которые давал по Интернету. Сама женщина в шутку называла себя соломенной вдовой, но в ее ироническом тоне слышалась горечь. Она много работала, неплохо зарабатывала, пользовалась вниманием у мужчин и все же, как подозревала Александра, отчаянно тосковала. Татьяна так ценила каждую минуту общения, что прямо настаивала, чтобы старая знакомая жила у нее.

С тех пор они не созванивались. Усевшись в кафе, в одном из переулков возле привокзальной площади, Александра заказала кофе со сливками и памятные ей еще по прежним временам вкуснейшие маленькие пирожки. «Здесь как будто ничего не меняется! – сказала она себе, оглядывая чистенький зал, окна с витражами, светильники из чеканной меди, стилизованные под Средневековье. – Время будто застыло...»

Она ничуть не удивилась тому, что пирожки, принесенные ей, оказались такими же вкусными. Официантка, правда, была уже другая. Александра принялась за еду, попутно составляя план действий. Вчерашний горячий сумбур улегся. Она по-прежнему была убеждена в том, что ей предстоит совершенно невероятное дело, но теперь обдумывала его спокойно, почти холодно. Иной подход принес бы только убытки и ошибки, как она знала по опыту.

«А в этом случае можно и в тюрьму загреметь! – заметила про себя Александра, отпивая кофе. – Хотя Павел утверждает, что все продумал и мне ничего не грозит, но что же он может еще сказать? Ему требовалось, чтобы я согласилась и подставила свою голову под нож. Он провел игру блестяще, надо признать! Сперва шокировал, чуть не прямым текстом предложив соучастие в краже из музея, затем начал вилять и рассказывать трогательные семейные предания... А потом, напугав и рассердив меня как следует, выпалил из всех пушек сразу! «Охота на единорога»! Неизвестные гобелены серии Метрополитен-музея... Конечно, это все предстоит доказывать с пеной у рта, терпеть пинки и насмешки от коллег и, может быть, это дело меня уничтожит, как уважаемого эксперта. Но может быть... Может быть, это начало совсем иной жизни!»

Устремив взгляд в полупустую чашку, она вспоминала инструкции, полученные от Павла напоследок. В Минске ей задерживаться не стоило. Сейчас нужно было сесть на поезд, идущий в небольшой старинный город в Западной Беларуси. Езды туда было шесть часов. «Значит, – прикидывала про себя художница, – я буду там в лучшем случае только к вечеру, ведь на поезд сразу не сядешь... Итак, день потерян...»

Именно это соображение и заставляло ее медлить, наслаждаясь тишиной кафе, как ни странно, почти пустого в этот обеденный час. «В сущности, – говорила себе Александра, – логичнее будет уехать ночным поездом, чтобы быть там утром. Значит, у меня в запасе целый день!» Это открытие ее порадовало. Александра сама себе не хотела признаваться в том, что отчаянно трусила, и ей хотелось оттянуть тот момент, когда придется переступить порог маленького музея, который ей предстояло попросту обокрасть...

«Да, да, так это и называется, – твердила она про себя, чувствуя, что щеки обдаёт жаром. Ей становилось трудно дышать, по шее и по спине бежали колющие мурашки. – Именно кража, и ничто иное. Павел может изобретать свои собственные словесные конструкции, убеждать, в чем угодно, но он послал меня именно на это неблагоприятное дело. А я согласилась, потому что просто не могу с собой справиться. Мне нужно увидеть эти гобелены! Нужно!»

Собственно, совершать прямую кражу Павел ей не предлагал. Ее задача была иной: приехать в музей, познакомиться с сотрудниками под тем предлогом, который изобретет сама художница, хотя бы в качестве художника-копииста, который желает несколько дней поработать в музее. Обычно такие просьбы никакого сопротивления у музейных работников не

вызывают. Тем более Александра приехала из Москвы. Внимание столичной публики могло польстить провинциалам, как, не без доли снисходительной иронии, заметил Павел.

– Я-то сам не мог выдать себя за художника, когда приехал туда два месяца назад, в мае, потому что совершенно не умею рисовать, – с усмешкой заметил Павел. – В экспозиции – там всего пять-шесть залов – я гобеленов не нашел, да и не надеялся на это особенно. Стало быть, они хранились в запасниках... Попробовал выдать себя за питерского журналиста, который приехал писать статью о коврах и гобеленах, но мне сразу не поверили. Ничего странного! У каждого поступка есть свои причины, и по какой-то причине питерский журналист вдруг отправится в такое путешествие, чтобы посетить музей, который никогда гобеленами и коврами не славился. Их специализация – это история края, природа, ремесла, быт... Честно говоря, я еле ноги оттуда унес, заведующая стала задавать мне неудобные вопросы... было такое впечатление, что она готова вызвать милицию!

– Но почему вы думаете, что у меня получится осмотреть запасники или хотя бы увидеть каталог предметов, находящихся на хранении? – спросила его Александра. – Вы что же, считаете, что мое умение рисовать откроет передо мной все двери и сердца?

Павел тогда лишь улыбнулся и сделал загадочный жест, словно нарисовав в воздухе волну. Александре оставалось только строить предположения о том, что он имел в виду. Впрочем, ей все было ясно. Павел, по его собственному утверждению, сунулся в музей сгоряча, ничего толком не обдумав и отчего-то решив, что добыть гобелены никакого труда не составит. Он попросту надеялся их купить, помня о том, что даже самые богатые музеи не гнушаются тем, чтобы регулярно распродавать часть своих сокровищ. Но заведующая отделом хранения не только не желала идти навстречу его желаниям, она попросту выставила его, едва он заикнулся о своем корыстном намерении ознакомиться с запасниками.

– Так что вам, Александра, придется исправлять мои ошибки, – с грустью заметил он на прощанье. – Главное, не наделайте своих, иначе нам никогда не увидать этих единорогов. Там, в музее, все уже насторожились, так что ведите себя как можно нейтральной. У вас простая задача: узнать любым путем, действительно ли гобелены находятся в этом музее. Мои сведения, быть может, устарели... Я получил их случайным образом, от приятеля, который видел их там в марте этого года. При каких обстоятельствах – мне неизвестно. Он просто мельком описал два гобелена, и до меня слишком поздно дошло, что описание сходится с бабушкиным. Я решил их найти во что бы то ни стало!

– То есть ваш приятель не уточнял, видел он их в одном из залов или в хранилище? – нахмурилась Александра. – А спросить его нельзя?

– Спросить его, к сожалению, мы уже ни о чем не сможем, – вздохнул Павел, и его глаза вдруг потускнели, словно их омрачила тяжелая мысль. – Он там, откуда не возвращаются. Умер вскоре после нашего разговора. Я, как всегда, слишком долго раздумывал, сомневался, а когда решился ему позвонить, чтобы все узнать подробнее, оказалось, что его уже две недели как похоронили. Но я сам в мае, во всяком случае, ни в одном зале ничего подобного не видел. Так что, скорее всего, это было хранилище.

«Итак, мне как будто не предстоит ничего особенно сложного и преступного... – Александра отставила опустевшую чашку. – Просто узнать, там ли гобелены и где именно. Сообщить Павлу. Правда, он не пожелал сказать, что собирается делать дальше, но сдастся мне, ничего законного. Так что то, чем мне предстоит заняться, это самая банальная наводка. В случае, если кража будет обнаружена, в чем Павел почему-то сомневается, я буду осуждена как сообщница!»

– Еще кофе, пожалуйста! – обратилась она к проходившей мимо официантке. – И скажите, кстати, есть ночные поезда на Пинск?

Александра почти не сомневалась, что официантка в курсе расписания вокзала, который находился в двух шагах. Это кафе относилось к разряду тех, куда заходят перекусить люди

с чемоданами. В самом деле, девушка ответила ей на ходу, и оказалось, что вечерних поездов несколько. Последний, проходящий, Мурманск – Брест, уходил с минского вокзала около половины одиннадцатого вечера и прибывал в Пинск в половине пятого утра.

– Но он дорогой! – предупредила девушка, отворачиваясь к кофе-машине.

Для Александры цена билета не имела значения – Павел выдал ей аванс, который должен был покрыть все первоначальные расходы на проезд и на гостиницу. С собой у нее не было никаких художнических принадлежностей, необходимых для того, чтобы войти в доверие к персоналу музея. Их предстояло приобрести в Минске. «Пинск – город маленький, – рассуждала Александра. – Если окажется, что художница явилась без мольберта, кистей и красок и все это купила на месте, это может тут же стать известным... Но собственно... Зачем покупать, если можно одолжить?»

Она вынула почти разрядившийся телефон и набрала номер Татьяны.

– Ну, и как ты собираешься выкручиваться? – потрясенно спрашивала она через час с небольшим подругу. Они сидели в городском парке, на скамейке, неподалеку от набережной. – Ведь это кошмарный долг!

– В том-то и дело... – Татьяна казалась спокойной, хотя минуту назад, закончив рассказ о пережитых несчастьях, утирала глаза бумажной салфеткой. – Главное, что мне совершенно непонятно это его предприятие... И так некстати: Наташа учится в байдарочной секции, а это недешево, она не среди чемпионов, так что занятия платные. Максим поехал в Германию, в летнюю языковую школу, и тоже нужно заплатить. Просто голова кругом... К тому же сейчас лето, мертвый сезон... Я в неоплачиваемом отпуске.

Выяснилось, что муж Татьяны организовал в Польше художественную артель, содержание которой стоило ему приличной суммы, так как на первых порах предприятие не приносило успеха.

– И вот, можешь представить, Алесь закладывает нашу квартиру... Мы ее приватизировали в равных долях, он собственник половины. Не бред ли это? Куда я денусь с детьми в случае неудачи?

– Это невозможно себе представить... – протянула потрясенная Александра.

Мимо пробежали спортсмены, поглядывая на шагомеры, пристегнутые к запястьям. Татьяна сидела, не поднимая глаз, прижав сомкнутые ладони к лицу. Она уже не плакала, но дышала тяжело, как человек, отчаявшийся получить необходимую помощь.

– А помешать ему ты не могла? – спросила Александра, понимая, впрочем, что вопрос этот праздный. Она просто никак не могла поверить в то, что ее практичная подруга, куда лучше наделенная деловыми талантами, чем сама художница, могла позволить супругу ввязаться в такую авантюру, рискуя единственным жильем.

Татьяна выпрямилась и откинулась на спинку скамьи. Медленно, с трудом переводя дыхание, она покачала головой.

– Я сама все подписала. Тогда на меня что-то нашло... Не то чтобы он меня убедил, тут другое. Мы ведь давно живем порознь, я почти привыкла думать о нем, как о бывшем муже. Хотя о разводе мы ни разу не говорили. Но...

Она сделала неопределенный жест, словно предлагая собеседнице отнестись к ее признанию снисходительно.

– Ты понимаешь, мы все это время жили, не очень себя стесняя. Я точно знаю, у него в Польше была девушка. Не наша, эмигрантка, а местная, он у нее квартиру снимал на первых порах. Я случайно узнала, от общих знакомых. Ну, и с моей стороны тоже... – Татьяна сделала многозначительную паузу и тряхнула головой так резко, что ее длинные волосы, высушенные до белизны, рассыпались по плечам. – Было бы глупо в такой ситуации хранить верность. Встречалась где-то раз в неделю с одним человеком. Состоятельный, симпатичный,

много общих интересов... Клиент нашего аукционного дома, я как-то продавала ему серебряный сервиз. Никаких разговоров о любви, конечно, мы не вели, мы же не дети! Потом, он прочно женат, трое детей, я ему семью ломать не собиралась. Просто... Как-то мы стали нужны друг другу, чтобы не перегореть. Семьи, проблемы, много работы...

Александра слушала, не прерывая, пытаясь понять, куда клонит подруга. На ее взгляд, подобный полураспад семьи никак не объяснял того, что Татьяна согласилась рискнуть жильем.

– И вдруг Алесь впервые за эти годы обращается ко мне с просьбой, понимаешь? – Женщина смотрела прямо перед собой, но вряд ли видела дорожки парка и сгрудившиеся на набережной старые плакучие ивы. – Мы давно перестали друг друга о чем-то просить, мы не нуждались друг в друге... Я не требовала у него денег на детей. Потому что это было глупо, он же ничего не мог толком заработать. У него не было просьб ко мне. И тут... Главное, он сказал, что оставил ту девушку – он знал, что я знала. И мне показалось, что мы все еще семья...

Последние слова она произнесла почти шепотом. Александра тяжело вздохнула, не решаясь что-то ответить.

– Я обрадовалась, непонятно чему! – призналась Татьяна. – У нас ведь дети, подростки все понимают, хотя мы с ними никогда этого не обсуждаем. Но они все равно чувствуют, что отца у них уже практически нет. И тут я подумала, а что, если правда он чего-то добьется и мы все снова будем вместе? Можно остаться здесь, можно уехать в Польшу, с деньгами везде можно хорошо прожить!

– Что ж, может, так и будет?

– Пока у меня ощущение, что я сделала самую большую глупость в своей жизни...

Она первая поднялась со скамейки, Александра последовала ее примеру. Солнце стояло уже высоко, но день был нежаркий, что особенно радовало после московского и питерского пекла. Александра прикрыла глаза, радуясь мягкому теплу и свету.

– Значит, ты едешь на этюды в Пинск и тебе нужно все необходимое, – сменила тему Татьяна. – Конечно, у меня найдется полный комплект. Да и не один! Табуретку, кажется, кто-то одалживал и не вернул... Но я тебе найду! А ты что, решила снова живописью заняться? Кажется, ведь говорила, что совсем писать бросила?

– Настоящий маньяк всегда возвращается на место преступления! – невесело пошутила Александра.

Она не стала разглашать подруге все детали своего путешествия, потому что это была уже тайна клиента, которую она всегда берегла свято. Но ей самой было нелегко признать, что «поездка на этюды», еще десять лет назад не представлявшая для нее ничего экзотического, бывшая самой обычной частью жизни, теперь затевалась только для отвода глаз. Это уязвляло художницу – именно так она по привычке себя называла, хотя давно уже не брала кисть, чтобы написать самостоятельное полотно, промышляя реставрациями, бесконечными и большей частью малоинтересными.

– А знаешь что? – с внезапным воодушевлением воскликнула Татьяна. – Ведь я могу поехать с тобой! В самом деле, дети разъехались, дочь ушла в поход на байдарках, сын в Германии, я две недели буду одна! Тем более у меня сейчас вынужденный отпуск, сама понимаешь, лето, мертвый сезон, торгов совсем нет... Да и кисть в руки давно не брала, почему бы и не вспомнить старое... Все-таки отвлекусь! А то с ума сойти недолго, мысли крутятся вокруг одного и того же! Ну, как? Берешь меня с собой?

Александра ответила не сразу. Она замялась, пытаясь прикинуть, помешает ей присутствие подруги или, напротив, поможет? «С одной стороны, это, конечно, свидетель, пара глаз, которая всегда будет рядом... Глаз и ушей. И она-то знает, что я давно не занимаюсь живописью, а торгую антиквариатом, стало быть, как только я начну интересоваться хранилищем музея, вся моя легенда рухнет! Я смогу, быть может, обмануть директора музея, но не Таню.

Как минимум, я не смогу выдать себя за другую личность, ведь тогда Таня захочет объяснений. А как я с ней объяснюсь? Это не моя тайна. Потом она узнает, что музей был обворован, хотя Павел и утверждает, что никто ничего не заметит. Хотелось бы знать, как он себе все это представляет! Мне он толком ничего не рассказал. Так или иначе, когда-нибудь все выяснится, и найдется свидетельница, которая сможет подтвердить мое участие в деле. С другой стороны... Она ведь мне может даже оказаться полезной! Несведущий человек куда убедительней того, который желает что-то скрыть. Она может задать пару вопросов вместо меня, и ей ответят скорее, чем мне... Тем более она своя, не приезжая!»

Татьяна ожидала ее ответа с явным волнением. Очнувшись от своих тревожных мыслей, Александра взглянула в лицо подруге и увидела, что та едва сдерживает обиду и разочарование.

– Но конечно, если ты хочешь побыть одна... – с деланным равнодушием начала Татьяна, готовя себе путь к отступлению.

Художница шутливо ударила ее по руке:

– Да перестань, я совсем не потому задумалась! Просто прикидываю, не впадаем ли мы с тобой за компанию в детство? Тоже мне, Ван Гог с Гогеном на этюдах в Арле!

– А вот этого не надо! – полушутя-полусерьезно воскликнула Татьяна, прикрывая рукой ухо. – Помнишь, чем там у них эта идиллия кончилась?!

Ехать решили тем самым вечерним поездом, который заранее облюбовала Александра. То, что в Пинск они приезжали на рассвете, друг не смущало – Татьяна, привыкшая разъезжать по республике во время своих командировок, была уверена, что они в любое время суток заселятся в семейную гостиницу, каких в городе было много. Гостиницу она забронировала тут же, в парке, открыв планшет. И в целом, как и рассчитывала Александра, старая приятельница оказалась незаменима: едва войдя с гостьей в квартиру, Татьяна немедленно собрала два полных комплекта, в которых было все, что нужно художнику при выезде на этюды. У нее в кладовке нашлось все: полевой мольберт, планшеты, этюдник, ящики для красок... Александра сперва наблюдала за ее хлопотами с грустной улыбкой, но потом увлеклась и принялась помогать собираться в дорогу. Перебирая кисти, отбраковывая облысевшие и засохшие, замачивая в растворителе те, что еще годились в дело, сортируя тюбики с красками, выбирая те, у которых еще не истек срок годности, она никак не могла избавиться от ощущения, что во всех этих действиях было нечто призрачное.

«Мне ведь и в голову не приходит, что я, в самом деле, могу что-то написать... – с горечью думала она, следя за воодушевленными сборами подруги. – А вот Таня, похоже, верит еще в себя, как в художника! У меня же сам образ мыслей стал другим... Я думаю как преступник! И даже не из-за денег, нет, мне хочется своими глазами увидеть эти гобелены... Иметь отношение к их обнаружению. К их спасению – я ведь уговариваю себя, что вся эта авантюра не что иное, как спасение двух прекрасных шедевров средневекового искусства от забвения, плесени и моли... Хотя Павел одержим самой простой идеей – вернуть гобелены себе. Не уверена даже, что он сдержит слово и позволит мне с ними как следует ознакомиться... Зачем ему это? Давить на него будет бессмысленно, пригрозить нечем, он просто рассмеется мне в лицо. Он же понимает, что я никому не проговорюсь, в чем приняла участие, и потому буду молчать!»

– Я к тебе обращаюсь, а ты витаешь в облаках! – донесся до нее укоризненный голос подруги. Опомнившись, Александра подняла глаза:

– Прости?

– Я говорю, что музей-то там, в Пинске, маленький, и копировать там особенно нечего, – повторила Татьяна, запирая ящик с красками. – Мы ведь будем, судя по всему, работать на пленэре?

– Как знать... – уклончиво ответила Александра. – Может быть, найдется и в музее что-то любопытное?

...Телефонный звонок раздался, когда Александра, стоя с чашкой чая на балконе, в последний раз обдумывала детали предстоящего путешествия. Вещи были собраны, Татьяна принимала душ. Через час они планировали выехать на вокзал. Звонок телефона, лежавшего в сумке, в прихожей, Александра услышала лишь потому, что балконная дверь была открыта, а на тихой улице, затененной старыми деревьями, было в этот вечерний час необыкновенно тихо.

«Павел!» – она с бьющимся сердцем увидела на экране телефона номер, который записала туда вчера, на вокзале, когда прощалась с заказчиком. Секунду она колебалась, сжимая в увлажнившихся от волнения пальцах надрывавшийся телефон. Ей страшно не хотелось отвечать. Александре вдруг подумалось, что мужчина осознал всю преступность своей затеи и в последний момент решил все отменить. И все же она нажала на кнопку ответа.

– Позвольте узнать, где вы сейчас? – спросил после приветствия знакомый голос, спокойный и бархатистый. Александра, внезапно перестав тревожиться, ответила. Выслушав ее краткий отчет, Павел вполне одобрил то, что она не стала сразу пересаживаться на поезд в Пинск.

– Не торопитесь... Дело непростое, не повторяйте моих ошибок. В провинции люди осторожнее, они боятся резких движений! Будьте и вы осторожны.

– Я буду очень осторожна, – невольно улыбнувшись, пообещала женщина. Ей вдруг стало очень приятно оттого, что этот человек беспокоился о ней. «Хотя он, конечно, всего лишь преследует свою цель! – сказала она себе. – Не в его интересах, чтобы со мной случилась какая-то неприятная история!»

– У нас могут быть небольшие проблемы со связью, потому что я сейчас на даче, а здесь, в лесу, в низине, телефон плохо ловит, – предупредил Павел. – Но я постараюсь звонить почаще. Да, и вот что еще...

Шум воды в ванной комнате смолк. Александра с тревогой оглянулась. Ей очень не хотелось, чтобы Татьяна услышала их разговор. В любом случае, решила художница, она постарается сделать так, чтобы подруга ничего не узнала об истинной цели их путешествия.

– Я кое-что узнал, с тех пор как вы уехали...

– Я ведь уехала не так давно! – шутливо напомнила художница.

– Это верно... – Павел говорил медленно, словно нехотя. – Еще и суток не прошло... а я уже успел пожалеть о том, что втянул вас в это дело.

Александра нервно сглотнула.

– Простите, – внезапно пересохшие губы плохо ее слушались, – не следует ли мне понять вас так, что вы отказываетесь от своей идеи?

– Нет, этого не произойдет, – твердо ответил мужчина. – Но сегодня я весь день думаю о том, что случилось с моим приятелем, тем самым, который рассказал мне о гобеленах.

– Вы сказали, он умер?

– Да, но не сказал, как. – Павел выдержал многозначительную паузу, от которой у Александры мурашки пошли по коже. – Собственно, я сам знал немного, на похоронах, как вам уже говорил, не был... Как-то туманно о его смерти говорили... Не удивительно, ведь он совершил самоубийство.

Женщина тихо ахнула.

– Да, представьте... – грустно подтвердил Павел. – И ничто этого кошмарного поступка не предвещало. Я его знал много лет, в депрессии он не впадал, ничем не злоупотреблял и никаких особых страстей не испытывал... И вот, в самом конце марта, тридцатого, ни с того ни с сего выстрелил себе в сердце. И записки не оставил.

В трубке послышался тяжелый вздох. Шум воды в ванной давно смолк, теперь там гудел фен. С минуты на минуту должна была появиться Татьяна.

– Я всю ночь думаю о нем, может, потому, что давно на даче не бывал, отвык, не спалось на новом месте... – признался Павел. – Комары зудели... Да и не в комарах дело, совесть была

неспокойна. Ведь Игорь звонил мне несколько раз, накануне смерти, а я не отвечал, был занят, но звонки слышал... И не перезвонил.

Повисла пауза. В коридоре скрипнула дверь, послышался голос Татьяны:

– Ты собиралась в душ? Беги, остался час до выхода!

– Да, сейчас! – крикнула Александра и крепче прижала трубку к уху: – Это очень печально, все то, что вы рассказали, но я не вижу, какую это имеет связь с тем, что я еду в Пинск.

– Саша! – Татьяна уже вошла в комнату и, затягивая пояс махрового халата, вопросительно глядела на подругу. – Поторопись!

– Одну минуту! – Александра подняла указательный палец, давая понять, что занята важным разговором. Татьяна, кивнув, исчезла. – Скажите, наша договоренность в силе?

– Да, но... – Павел говорил еле слышно. – Дело в том, что сегодня, после бессонной ночи, я позвонил вдове Игоря. Она мне сказала, что дело возобновлено.

– Дело?

– Да, по поводу его самоубийства возбудили было уголовное дело, но закрыли за недостатком улик. Записки, правда, не было, но не было и никаких признаков насильственной смерти. Пистолет у него был официально зарегистрирован, у Игоря в квартире находились немалые ценности, он торговал антиквариатом, и его уже два раза грабили. Но вот сейчас, сказала мне его вдова, появились вдруг новые свидетельские показания... И есть основания полагать, что Игорь мог быть и убит. Из собственного оружия и в упор. Заговорила одна из соседок. Она утверждает, что в тот вечер, когда он погиб, к нему в квартиру вошли двое: мужчина и женщина. Сама она стояла на лестничной площадке, этажом выше, что-то искала в сумке, и не видела никого, но слышала голоса: сперва гости пререкались с хозяином через дверь, похоже, тот не хотел их впускать, потом Игорь внезапно отпер и сказал, чтобы входили. Соседка после этого ушла, выстрела она не слышала, но те соседи, которые были дома и слышали выстрел, называют время, примерно совпадающее со временем визита этих людей. То есть Игорь умер примерно через полчаса после того, как к нему явились эти двое. Как они уходили, никто не успел увидеть, и как выглядели – неизвестно. На площадке слышались женский и мужской голоса – вот и все. Возможно, эта пара и ни при чем... Но очень велика вероятность того, что они причастны к этому самоубийству, если это самоубийство, конечно.

– Почти наверняка причастны, – похолодев, произнесла художница. – Ни записки, ни предпосылок для такого шага... Но ведь этот ужас никакого отношения к нашему делу не имеет?

Она задала вопрос, показавшийся ей самой диким и неуместным, и чем дольше тянулась пауза, тем тяжелее становилась.

– Так-то так, – неохотно ответил Павел. – Но есть одно обстоятельство, о котором следствие ничего не знает. Соседка умолчала об этом, потому что ей показалось, что она и так сказала лишнее... Лишнее и ненужное следствию, в которое она не верит абсолютно. Видите ли, эта женщина в девяностых потеряла сына, его убили, и милиция ничего не расследовала, поэтому она не очень-то настроена на сотрудничество с органами власти, боится их, ненавидит и не торопится идти на контакт. Ну так вот... О том, что к Игорю приходили незнакомые люди в день смерти, она все же сочла невозможным умолчать. Но для того, чтобы убедить Игоря открыть дверь, гости применили очень странный аргумент. Женщина решила, что ослышалась, и следствию об этом сомнительном моменте не сообщила. А вот вдове сказала.

Александра молча ждала.

– Собственно, соседка и не запомнила хорошенько, что там бубнили под дверью эти двое... – после паузы признался Павел. – Она еле слышала, те говорили вполголоса. Но вдруг гости довольно громко сказали несколько слов, после которых мой приятель внезапно открыл

дверь и впустил их в квартиру. Они упоминали что-то диковинное, потому соседка и запомнила. Говорили про какого-то пропавшего единорога...

Глава 3

Подойдя к окну своего номера (собственно, это была просто отдельная комната в обычной квартире), художница оглядела улицу, все такую же пустынную в десять утра, как и на рассвете, когда они здесь впервые появились с Татьяной. Прохожих почти не было. Двухэтажные дома, девятнадцатого и начала двадцатого веков, выглядели чистенькими и сонными. Это была одна из улиц старого центра, теперь сместившегося на окраину. Ее почти не коснулось время, в каждом доме на первом этаже был либо магазинчик, либо ресторан – такой же семейный, как гостиница, где поселились женщины. «А туристов не видно... В таком городке трудно будет затеряться...» – с тревогой думала Александра, выходя на маленький балкон. Оперевшись о чугунные перила, еще влажные от ночной росы, она вновь оглядела улицу. В конце ее, за старинными особнячками, виднелись купола церкви. Утренний туман, встретивший путешественниц на вокзале, уже рассеялся. Александра слушала особенную тишину маленького древнего городка, затерянного среди темных лесов. Отсюда не видно было реки и знаменитого бывшего колледжа иезуитов, который и был конечной целью ее путешествия: там располагался музей, куда ее направил Павел. Но хозяйка семейной гостиницы, опрятная молодая женщина, говорившая по-русски с трудом, заверила, что до колледжа рукой подать.

– Пять минут пешком, – сказала она, проводя художницу в комнату, имевшую нечто общее с нею самой, такую же чистенькую, скромную и безликую. – Да тут все неподалеку.

Тем временем Александре послышалось, что в комнате кто-то ходит. Вернувшись с балкона, она увидела Татьяну.

– Что с тобой? – спросила Александра. На подруге лица не было.

Та отмахнулась, словно не желая говорить, но тут же запальчиво воскликнула:

– Скажи, как я могу после этого ему верить?! Это же невозможно так врать!

– Алесь?

Художница не удивилась, увидев, как подруга кивнула. Затея с залогом квартиры ей не понравилась сразу, но она просто не решилась высказать все свои опасения по этому поводу.

– Я позвонила ему в Варшаву, только что, сказала, что поехала на этюды в Пинск. Спросила, как его дела с артелью, есть ли надежда, что окупится первая выставка. Обычный разговор... – Присев на край аккуратно застланной постели, Татьяна растерла горящие щеки ладонями, словно пытаясь унять сжигавший ее изнутри жар. Она выглядела так, будто у нее резко поднялась температура. – Я с ним спокойно говорила и даже денежных вопросов старалась особенно не касаться, он ведь тоже нервничает... Но Алесь просто на дыбы взвился! Нахамил мне: какое ему дело до того, куда я поехала заниматься мазней, какое мне дело до дел его артели?! Как, отвечаю, какое мне дело, если я могу лишиться квартиры и мои дети могут остаться на улице?! Ну конечно, тоже повышаю голос. И тут...

Она с трудом перевела дыхание.

– И тут я слышу на заднем плане женский голос. Казалось бы, ничего особенного, я знаю, что у него в артели состоят и женщины, есть одна очень талантливая скульпторша, с керамикой работает... Он присылал мне снимки ее работ, и собственно, на нее у меня вся и надежда... остальные ребята тоже неплохие, но таких, как они, сотни... Уж я-то в этом понимаю. Ну, и я спросила, просто автоматически, с кем он там? А он... Он ответил, что с Марысей. Это та девушка, которая...

Александра все поняла.

– То есть он сам тебе сказал, что по-прежнему остается с ней? – уточнила она. – Или она всего лишь была где-то поблизости?

– Очень поблизости, – мрачно ответила Татьяна. – В одной спальне. Он мне тогда соврал, чтобы я согласилась взять этот кредит под залог квартиры.

– Но есть же законы... – присев рядом, Александра положила руку на плечо подруги. Она напрасно искала слова, которые могли бы принести утешение. Обман был ужасен, и тем ужаснее, что его жертвой стали дети. – Детей не оставят на улице... И ты имеешь право жить с ними... Надо только что-то делать... Развестись? Или сперва судиться? Может, попытаешься доказать, что твое согласие было получено обманом?

– Я в этом ничего не понимаю! – в отчаянии ответила подруга.

– Тогда надо найти адвоката для начала? Твой друг тебе поможет? Ты говорила, он состоятельный человек.

Татьяна показала ей мобильный телефон, который достала из кармана плаща. Она уже оделась для выхода в город.

– Представь, я тут же позвонила Владиславу. – Произнеся это имя, она нервно поджала губы. – Конечно, это был не самый хороший выход, просить женатого любовника, чтобы он помог развестись с мужем...

– Ну да, что он мог подумать... Что ты покушаешься на его семью? – поддержала Александра, очень расстроенная. – Неужели отказал?!

– Да он вообще не говорил со мной, зато его супруга, которая взяла трубку, отчитывала меня пятнадцать минут. Не знаю, как я это выдержала, наверное, потому, что была в шоке после того, что мне сказал Алесь. В общем, эта милая женщина в конце концов пообещала, что убьет меня, если я еще раз приближусь к ее мужу.

Некоторое время подруги молчали. Александра не решалась больше ничего советовать, слишком хорошо понимая, как может быть неуместен совет в такой ситуации, когда человек должен следовать только голосу своего сердца и своей совести. «А как бы я сама поступила на ее месте? – спросила себя Александра, вспомнив оба своих неудачных брака. – И кто я такая, чтобы давать ей советы? Муж пошел на подлость, чтобы устроить новую жизнь с новой женщиной, это понятно, это случается сплошь и рядом. Но хотя сама Таня не вела тут безгрешное существование, такого наказания она не заслужила. Лишиться жилья, остаться с детьми на улице только потому, что все еще пыталась сохранить семью, поддержать супруга в его начинании...»

– Ну, что же мы время теряем?! – внезапно с преувеличенной бодростью воскликнула подруга, очнувшись от тягостного оцепенения. – Этим делу не поможешь. Ты хотела идти в музей? Пойдем, он уже открыт.

Колледж, возвышавшийся на бывшей рыночной площади, в историческом центре старого города, стоявший на самом берегу реки Пины, был уже знаком Александре по фотографиям. Это было здание семнадцатого века, с мощными стенами, толщиной в два метра, оштукатуренными и выкрашенными в кремовый цвет, с рыжей двускатной крышей и причудливым делением разновысоких этажей – от самых высоких первых до крошечного последнего, представляющего собой длинную надстройку, тянувшуюся вдоль крыши. Стены оживлялись лишь плоскими ложными колоннами. Архитектор, строивший его по приказу князя Радзивилла, явно больше беспокоился об удобстве и прочности, чем об изяществе форм. И все же старинный колледж, отражавшийся в спокойной воде широкой реки, возносивший в туманное бледное небо ряды высоких печных труб, был очень красив.

Александра смотрела на него с сильно бьющимся сердцем. Никогда еще ей не хотелось сбежать, остановившись перед входом в музей. Татьяна, успевшая за время недолгой прогулки успокоиться или только делавшая вид, что успокоилась, удивленно взглянула на нее:

– В чем дело? Чего мы ждем? Учти, в этих маленьких провинциальных музеях начальство иногда появляется только с утра.

– Да, так... Что-то задумалась, стоит ли идти.

Александра сама поразилась, когда произнесла эти слова. Она и впрямь была готова отступить в последний момент, на пороге музея – такой липкий, тошнотворный страх вдруг наполнил ее сердце. Художница повторяла про себя все доводы, которые привел ей Павел, убеждая в том, что ее роль в этом деле вполне безопасна. Теперь даже те из них, что казались ей приемлемыми, приобрели иную, зловещую окраску. Ясный день, казалось, потемнел.

– Ну, это глупости, – недоуменно прервала наступившее молчание Татьяна. – Раз пришли – идем. Или сразу на пленэр, пока дождь не пошел. Что-то у меня плохие предчувствия!

– И у меня, – ответила Александра, имея в виду вовсе не дождь.

...Татьяна, удивленная ее замешательством, взяла все переговоры на себя. Это было и к лучшему – Александра настолько поддалась овладевшей ее панике, которую скрывала с трудом, что вряд ли смогла бы убедительно врать. Для начала она обратилась к пожилой служительнице, показав ей свое столичное удостоверение сотрудника музея, чем мгновенно ее пленила. Подруг сразу провели к заведующей, и Татьяна, совершенно непринужденно, представилась сама и представила подругу.

– Вот, хотели бы провести в Пинске и окрестностях недельку, – сообщила она. – И к вам не могли не заглянуть. Александра – из Москвы, кстати, она так к вам рвалась!

– Очень приятно слышать, – польщенно заметила заведующая, почти кокетливым жестом поправляя прическу – волосок к волоску.

– Мы бы хотели тут пару экспозиций зарисовать, – продолжала Татьяна. – Можно расположиться на день-другой?

– Да на сколько угодно! – Их просьба вызвала самую приятную улыбку на губах женщины. – Я вам выпишу временные пропуска, и работайте, сколько угодно!

Пропуска были получены немедленно. Александра не произнесла ни слова о том, что желает осмотреть запасники, справедливо полагая, что поспешность может насторожить заведующую, к которой не так давно, в мае, ворвался Павел, воодушевленный перспективой вернуть свою фамильную реликвию.

– Ну вот, стоило волноваться, – заметила Татьяна, идя рядом с подругой по залам, высоким, с белыми сводчатыми потолками. – Мы отлично тут устроимся. Хотя я предпочла бы пленэр. Разве что... Эту прялку я зарисовала бы. Она любопытная!

Остановившись рядом со старинной прялкой, она указала на нее задумчивой, притихшей спутнице.

– А что в ней любопытного? – спросила Александра.

– Ну, как ты не видишь? – изумилась Татьяна. – Это же настоящая белорусская старина, из медвежьего угла. Семнадцатый век... Представь, душная хатенка, зима, на печке от лихорадки дрожат ребятишки... Мужик в корчме, месяц в небе, волки в поле, а баба сидит за этой прялкой, нитку тянет и песню тянет, такую же серую, как нитка, как вся ее бабья жизнь... И песня про что-нибудь страшное или печальное...

– Да ты поэт! – невольно проникнувшись лирическим настроением, внезапно охватившим подругу, воскликнула Александра.

– Никакой не поэт, просто это прошлое моего народа, потому оно мне близко. А для тебя, конечно, это всего лишь прялка...

– Хорошо, рисуй прялку! – согласилась Александра. – Если есть настрой, это уже полдела. А я посмотрю еще...

Оставив подругу устраиваться с этюдником перед старой, черной от времени прялкой, Александра прошла по всем залам, осмотрела все немногочисленные и, как услужливо подсадила внезапно появившаяся заведующая, временные экспозиции.

– Музей у нас, конечно, крошечный, – дружелюбно сообщила она. – Видите – быт Полесья, природа Полесья, русская живопись 19 века, Васнецов, Шишкин... А в том зале – интереснейший саркофаг, 12 века... Уникальная керамическая плитка...

– Я обратила внимание, – Александра безуспешно пыталась изобразить воодушевление. Гнетущее чувство опасности не оставляло ее. – И коллекция монет прекрасная...

– Да у нас множество материала, многое еще от Радзивиллов осталось, только вот места нет! – пожаловалась заведующая, то застегивая, то расстегивая пуговицу на легком плаще. Она явно собралась уходить. – И нет людей, что самое печальное. Молодежь у нас работать не желает. Все уезжают, кто в Минск, кто за границу. Я и еще два человека – мы все должны делать, и экспозиции составлять, и оцифровкой заниматься... Нельзя же отставать от времени! А знаете, сколько у нас единиц хранения? Более шестидесяти тысяч!

Александра покачала головой, храня на лице выражение благочестивого ужаса. Она наконец решилась бросить пробный камень. «Ведь увидел же как-то приятель Павла эти гобелены! Причем, по словам Павла, случайно увидел!»

– А как часто у вас меняются экспозиции? – спросила она.

– Ну, где там часто! – отмахнулась та. – Ведь это большая работа, и делать ее некому, нет рук. А у меня – сплошная бумажная возня, методические занятия, лекции, консультации...

– Вот как... – Художница, воодушевленная внезапным наитием, которому всегда следовала в сложных ситуациях, уже не сомневалась и не собиралась останавливаться. – А мой знакомый, из Питера, был тут в марте и вроде бы видел какую-то другую экспозицию. Я все тут уже успела осмотреть, а того, о чем он мне рассказывал, – нет... Наверное, он с чем-то перепутал. Он ведь ездил по всей Беларуси!

– Конечно, перепутал! – немедленно согласилась заведующая. – У нас ничего тут не менялось уже года два, в этих залах. Разве что в запасниках побывал? В марте я как раз брала отпуск за свой счет, тут меня замещала одна бойкая барышня, молодой специалист. Не знаю, что конкретно она могла показывать вашему знакомому, но она это делала на свой страх и риск...

Александр показалось, что в голосе женщины прозвучала ядовитая нотка. «Она с этой бойкой барышней в контрах!» – поняла художница.

– То есть все-таки имеется вероятность, что он видел какие-то другие ваши сокровища? – с шутливой улыбкой уточнила она.

– Даже страшно предположить, какие... – многозначительно ответила заведующая, вкладывая в эту фразу смысл, ведомый ей одной.

– А нельзя ли узнать у вашей сотрудницы, что конкретно она показывала моему знакомому? Он рассказывал о каких-то чудесах... В частности, об очень живописных старых коврах или гобеленах... Но очень в общих чертах, а мне было бы интересно знать, почему они ему так запомнились. Он к таким вещам вообще-то равнодушен, в отличие от меня, так что, если он о них вспомнил, это должны быть настоящие шедевры!

«Ну, все... – пронеслось у голове у Александры, пока она, продолжая улыбаться, смотрела в лицо заведующей. – Сейчас или будет сцена, вроде той, которую устроили в мае Павлу, или я победила!» А заведующая медлила. Она морщилась, словно отведав чего-то кислого, отводила взгляд с таким видом, словно для нее было тягостно смотреть на собеседницу. Наконец призналась:

– Наталья уволилась. Да, уволилась, как только я пришла из отпуска, в конце марта. В сущности, она и не смогла бы у нас долго работать. Знаете, сразу было ясно, что это временный человек: пришла, принялась, огляделась, поняла, что денег тут нет, перспектив тоже, ну и ушла, при первом удобном случае. И дверью хлопнула!

У Александры упало сердце. Минуту назад она была уверена, что потянула за нужную ниточку, хотя и сильно рискуя ее оборвать.

– Ушла? Но ведь ей можно позвонить?

– Куда? – с ироническим сочувствием спросила заведующая. – В Лунинец?

– Лунинец? – эхом откликнулась Александра. – Что это?

– А это городок тут неподалеку такой... – снисходительно улыбнулась заведующая, видя ее удивление. – Километров шестьдесят от Пинска. Население – тысяч двадцать народу. Наталья родом оттуда, только думаю, не туда она уехала.

– А куда же?

– В Минск, наверное, она там на искусствоведа училась... Ее к нам оттуда прислали, с пылу с жару, только что институт закончила. Все корчила из себя столичную штучку! А может, она вообще удрала прочь из страны. Что-то она говорила, будто мечтает в Норвегию перебраться. Мало там таких, как она! Так что спросить уже не у кого, она сейчас далеко.

На этом разговор был окончен – заведующая вдруг спохватилась, что опаздывает, у нее была лекция в библиотеке. Когда она ушла, Александра оглянулась, ища взглядом подругу. Татьяна все это время работала – не тратя времени, она приступила к наброску углем. Подойдя сзади к стульчику, на котором расположилась Татьяна, Александра несколько минут следила за ее размашистыми движениями. Уголь крошился, осыпаясь на шероховатый лист, прикрепленный к этюднику. Татьяна работала с какой-то яростью, словно вымещая накопившееся на сердце горе, терзая ни в чем неповинный лист и уголек.

– Какая у тебя прялка получается зловещая! – заметила Александра.

Ее голос заставил увлекшуюся подругу вздрогнуть. Татьяна опустила руку и посмотрела на подругу ошалелым взглядом внезапно разбуженного человека.

– А ты почему еще не работаешь? – спросила она, проводя рукой по щеке. От прикосновения осталась черная полоса. – Сама же сюда так рвалась!

– Ищу натуру.

– И что тебе нужно? Натуры, кажется, достаточно... – Татьяна обвела рукой залы, где блуждало всего двое посетителей, которые явно недоумевали, зачем зашли. – Да что долго думать, выбирай и пиши. Вон, какое корыто стоит! Шикарное, прямо сизое от древности... И с трещиной, и с резьбой!

Александра слабо улыбнулась. Все же, чтобы не вызывать вопросов у подруги, которая совершенно закономерно удивлялась, зачем они приехали в Пинск, если сокровища местного музея так мало волнуют Александру, художница расположилась с этюдником возле стенда, посвященного быту полесских крестьян семнадцатого века. Корыто показалось ей вполне подходящей натурой. Александра прикрепила к планшету бумагу и достала мягкий карандаш.

Делая набросок, она постепенно успокаивалась. Вероятно, тот же терапевтический эффект производила работа и на Татьяну – художница с изумлением услышала, что подруга, еще пару часов назад совсем убитая последними происшествиями, начала тихонько напевать песенку без слов. Ее саму словно заворожило давно забытое занятие. Выполняя набросок, она ни на миг не забывала о том, зачем явилась в музей, и все же начинала отмечать взглядом все мельчайшие подробности – глубокие трещины старой древесины, сизые тени в изломах дерева, разъеденного щелоком. Не одно поколение полесских крестьянок стирало детские пеленки у этого огромного корыта, выдолбленного из дубовой колоды. На краю был вырезан примитивный орнамент, немногим отличавшийся от того, каким мог бы украсить свою поделку житель бронзового века. Александра занялась передачей этих завитков и ромбов, чье чередование не имело никакого смысла в глазах современного человека, но несомненно, многое значило для мастера, делавшего корыто. Ее мысли были далеко. Успокоившись, больше не слушая назойливого голоса тревоги, она вновь приобретала способность мыслить логически.

«Заведующая сообщила мне уйму ненужных подробностей про эту уехавшую, неприятную ей Наталью, но не сделала предложения помочь найти те ковры или гобелены, которые могла показывать гостю ее исчезнувшая заместительница. То есть нажимать на нее, пусть мягко, смысла нет. Тут нужна была добрая воля, порыв с ее стороны, а этого и близко не видно. Она совершенно права как профессионал – если перед каждым проходимцем распаивать запасники, это кончится криминалом, к гадалке не ходи. Павел наивно полез напролом,

хотел соблазнить ее деньгами, как последний идиот... По-моему, он совсем не разбирается в людях! Мне вот сразу стало ясно, что с этой дамой нужно держаться осторожнее. Это старый опытный работник, фанат своего дела, она людей видит насквозь... И я сказала намного больше, чем имела право сказать. Теперь она особенно, если вспомнит Павла, будет настороже. Больше я не посмею произнести ни слова об этих гобеленах. Остается полагаться на случай... Вот если бы найти эту Наталью!»

– Я пойду обедать, – подруга закрыла латунные замочки на ящике с принадлежностями и прислонила этюдник к стене. – Ты со мной?

– Даже и не знаю... – Александра критически осмотрела свой рисунок. – Кое-что доделаю и присоединю. Ты далеко?

– Пройдусь до соседней улицы... – Татьяна сладко потянулась, разминая затекшую спину и плечи. – Там симпатичное кафе, синяя вывеска... Кажется, блинная. Буду ждать тебя там.

Когда она ушла, в анфиладах залов остались только Александра и служительница. Было не похоже на то, что музей часто осаждают посетители. Художница вновь взялась за карандаш, но уже без прежнего энтузиазма. Краем глаза она наблюдала за пожилой женщиной, мерно расхаживавшей по залам. Время от времени та останавливалась неподалеку от того места, где устроилась Александра, и медлила минуту, словно чего-то ждала. Наконец художница не выдержала и повернулась к ней:

– Я, может быть, задерживаю вас? Вы хотите уйти на обед?

Именно такая версия у нее и родилась при взгляде на пустой музей. «Лично меня, – думала Александра, – постоянно одолевало бы искушение запереть его и куда-то сбежать... От этих прялок с корытами!» Но тут же выяснилось, что она ошибается.

– Вы говорили о Наталье? О Зворунской? – спросила служительница, оглянувшись при этом в сторону входа. Именно это опасливое движение мгновенно убедило Александру в том, что ей предстоит услышать нечто ценное.

– Да, я хотела бы с ней поговорить! – вцепилась она в женщину. – Вы знаете, где ее найти?

– Нет, – разочаровала ее та. – Я не знаю, куда она уехала, после того как уволилась. Она ведь была приезжая, жилья у нее тут не было, снимала угол...

– Может, квартирная хозяйка знает, куда она уехала? – Александра не собиралась больше соблюдать осторожность и не боялась слишком явно проявлять свой интерес к уехавшей молодой женщине. Ей было ясно – найти хоть какой-то след единорогов можно только, найдя эту самую исчезнувшую Наталью. Очаровывать заведующую было, судя по всему, бесполезно, да и небезопасно. – Подруги у нее были? Она ведь дружила здесь с кем-то?

Но служительница только качала седой головой, причесанной аккуратнo и вместе с тем наивно, как у самодельной старинной куклы:

– Наталья работала здесь всего три месяца, ни с кем не дружила... Да здесь, в музее, ее ровесниц и нет. Я знаю дом, где она снимала комнату, но это вам ничего не даст. Я как-то после работы зашла туда, спросила у хозяйки, куда Наташа уехала? Та ответила, что не знает. Собралась за несколько часов и не сказала, куда едет... Ушла, и все... Сбежала! И ее телефон больше не отвечает. Номер сменила, наверное.

Служительница как будто смутилась и вновь бросила взгляд в сторону входа.

– Значит, вы пытались ее найти? – уточнила Александра, все больше заинтересовываясь личностью исчезнувшей девушки.

– Да, хотелось поговорить... Как-то не по-людски получилось... – с виноватым видом произнесла женщина. – Уволили за такой пустяк... Выбросили на улицу, как паршивую кошку, испортившую сало! А ведь это человек... И она тут совсем одна, да и в Лунинце у нее, она как-то сама говорила, тоже никого нет, кроме мачехи. Куда она поехала? Ума не приложу.

– За что же ее уволили? – жадно спросила Александра.

Служительница, тяжело вздыхая, пряча взгляд, явно боролась с противоречащим служебному долгу желанием излить душу. Борьба продолжалась недолго – женщина не выдержала и возбужденно заговорила:

– Наташа – молодая девчонка, конечно, никакого опыта у нее нет, вот и сделала ошибку. Что же тут такого, кто из нас безгрешен? И мужчина ей понравился. Интересный, интеллигентный... Питерский! Вот он ее уболтал, она и нарушила правила... Но нельзя же за это выживать с работы молодого специалиста! У нас и так работать некому!

– А, так я и знала... – с замиранием сердца поддакнула Александра. – Ее уволили за то, что она провела моего знакомого в запасники? Да? Вы ведь слышали наш разговор с заведующей?

– Слышала, хотя и не подслушивала, – призналась служительница. – Потому с вами и заговорила сейчас. Надо же как-то исправить это... Девчонка ни в чем не виновата, а ваш приятель, надо сказать, дьявола уговорит креститься! Язык у него подвешен, что там! И в кафе он ее водил, я видела... Ухаживал! Пять дней здесь пробыл, в городе, и все пять дней рядом с ней, как пришитый к юбке. Конечно, Наташа решила, что он влюбился. И все мы так решили, а что нам было думать? С виду казалось – все серьезно. А он вдруг взял да исчез.

– Некрасиво, – прикусила нижнюю губу Александра.

– Очень даже некрасиво! – с обидой подтвердила служительница. – Хотя она сама виновата. Я ей советовала не очень-то доверяться этому господину, на каждого приезжего не нарадуешься... Мало ли у нас туристов бывает? А она... В общем, потеряла голову совсем, это было видно. Он все, что хотел, мог от нее потребовать. Она бы ему картошку из углей голыми пальцами доставала, будь его воля на то!

Александра была сама не своя – дело приобретало серьезный оборот. «Случайно увиденные» гобелены, как уверял меня Павел? – спрашивала она себя. – Да так ли уж случайно, если этот Игорь терся тут возле неопытной девчонки и уж явно не с целью жениться на нищей провинциалке? Музей, шестьдесят тысяч единиц хранения... И дурочка, которая ошалела от ухаживаний столичного гостя! Что она могла ему показать в хранилище, в отсутствие своего начальства? Чем он конкретно интересовался?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.